Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.51

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-32-46

Военно-политические отношения Австралии и США в условиях роста влияния Китая в АТР

Владимир О. Щербунов

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия, vshcherbunov@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – проанализировать военно-политические отношения Австралийского Союза (АС) и США с середины 2010-х гг. с учетом их исторической преемственности, принимая во внимание обострение отношений между австралийской и китайской сторонами в 2020–2021 гг. Нарастание конфликтности в отношениях между двумя странами и Китаем, пришедшее на смену «политике вовлечения», во многом обусловлено активностью Пекина в АТР с середины 2010-х гг., которая начала восприниматься Австралией и США как угроза продвигаемому ими либеральному порядку («порядку, основанному на правилах»). Автор приходит к выводу, что в 2016–2021 гг. несмотря на глубокие экономические связи трех стран и неопределенность после избрания президента Д. Трампа, военно-политические отношения Австралии и США продолжали укрепляться, принимая антикитайскую направленность и ориентацию на многосторонние форматы взаимодействия с другими державами региона в рамках реализации американской глобальной стратегии – расширению либерального порядка и сдерживанию попыток Китая по созданию своей экономической сферы влияния.

Ключевые слова: Австралия, США, Китай, военно-политический союз, АНЗЮС, мировой порядок, порядок, основанный на правилах

Для цитирования: Щербунов В.О. Военно-политические отношения Австралии и США в условиях роста влияния Китая в АТР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 32–46. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-32-46

© Щербунов В.О., 2021

“Political Science. History. International Relations” Series, 2021, no. 4 • ISSN 2073-6339

Military-political relations between Australia and the United States amid the growing influence of China in the Asia-Pacific

Vladimir O. Shcherbunov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
vshcherbunov@yandex.ru*

Abstract. This article aims to analyze the political-military relations between the Australian Union (AU) and the United States since the mid-2010s, considering their historical continuity, and taking into account the deteriorating relations between Australia and China in 2020–2021. The growing tensions between the two countries and China, which followed the failed “policy of engagement”, have been unfolding largely due to Beijing’s activities in the Asia-Pacific since the mid-2010s, which Australia and the United States began to perceive as a threat to the liberal world order they were promoting (the “rule-based order”). The author concludes that in 2016–2021, despite the deep economic ties between the three countries and the uncertainty after the election of President D. Trump, the military-political relations between the US and Australia continued to strengthen, taking an anti-Chinese orientation, with an emphasis on the multilateral formats as part of implementing the American global strategy.

Keywords: USA, Australia, China, military-political alliance, ANZUS, world order, rule-based order

For citation: Shcherbunov V.O. (2021), “Military-political relations between Australia and the United States amid the growing influence of China in the Asia-Pacific”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 32-46, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-4-32-46

Введение

Положение Австралии, традиционной державы среднего уровня, более 70 лет блокирующейся в неореалистском смысле с США, во многом предопределяет ее внешнюю политику в разворачивающемся противостоянии между США и Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) [Юнюшкина и др. 2020]. В XXI в. американские усилия в АТР были направлены на реализацию глобальной стратегии – выстраивание благоприятного баланса сил [Шаклейна

2017], а фактически на сдерживание Китая и расширение либерального мирового порядка (так называемого порядка, основанного на правилах)¹.

Рядом исследователей выдвигается идея о том, что Австралия в силу высокой экономической зависимости от Китая (на торговлю с которым приходится до 30% товарооборота) и в условиях отсутствия прямой военной угрозы со его стороны будет стараться балансировать между США и КНР, избегая конфликта с последним, а также будет стремиться диверсифицировать свою внешнюю политику, ориентируясь на другие демократии региона [Medcalf 2019; Алешин 2020; Гарин 2020].

Военно-политические действия Австралии, включая участие в интервенциях на Ближнем и Среднем Востоке, а также укрепление американо-центричной системы союзов в АТР [Cha 2018; Истомин, Байков 2020], во многом свидетельствует о ее стремлении продвигать американо-центричный мировой порядок с целью обеспечения национальной безопасности [Mearsheimer 2010; Bisley, Schreer 2018; Степанов 2020] и, том, что военно-политическую деятельность Австралии невозможно рассматривать в отрыве от США. В условиях угрозы этому порядку, а именно – его институтам и соотношению сил (существующим сферам влияния), Австралия оказалась готова пойти на его защиту различными мерами, рискуя осложнением политических и экономических отношений с Китаем, что наблюдается с 2018 г. и достигло своего апогея в конце 2020 г. в форме торговых войн и появления жесткой риторики между Австралией и Китаем.

Соответственно, цель данного исследования – проанализировать военно-политические отношения АС и США с середины 2010-х гг., с учетом их исторической преемственности и обострения отношений между Канберрой и Пекином в 2020–2021 гг.

¹ В данной статье используется определение мирового порядка, предложенное российским исследователем А.Д. Богатуровым: «Мировой порядок» – «система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения; согласованных на их основе конкретных установлений; набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения; потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться» [Богатуров 2017, с. 184]. Подробнее о либеральном порядке и его элементах см.: *Mazarr M.J. et al. Understanding the Current International Order* [Электронный ресурс] // RAND Corporation. 2016. P. 14. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1500/RR1598/RAND_RR1598.pdf (дата обращения 15 августа 2021).

Для достижения цели были решены следующие задачи:

1) рассмотрен комплекс военно-политических отношений АС и США к середине 2010-х гг., с учетом участия Австралии в глобальной стратегии США и отношений с КНР;

2) определены направления внешнеполитической и экономической активности Китая, которую США, а затем и Австралия начали воспринимать как угрозу «порядку, основанному на правилах»;

3) проанализированы военно-политические отношения АС и США с середины 2010-х гг. через призму продвижения либерального мирового порядка и сдерживания усиления влияния КНР в регионе.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступает парадигма политического реализма, которая акцентирует внимание на ведущей роли государства на международной арене, а также структурный реализм (неореализм), согласно которому межгосударственные отношения трактуются с точки зрения их системности и сдерживания других центров силы, а также концепции баланса сил и баланс угроз С.М. Уолта [Walt 2013]. Отношения Австралии и США рассматриваются через призму военно-политического и экономического сдерживания потенциальной угрозы (Китая), т. е. поддержания благоприятного баланса сил в регионе и сохранения (либо расширения) «порядка, основанного на правилах».

Военно-политические отношения Австралии и США к середине 2010-х гг.: преемственность и новизна

В основе современных военно-политических отношений АС и США лежит ряд международных соглашений и практик, уходящих своими корнями в середину и вторую треть двадцатого века. В течение этого периода были подписаны основополагающие документы о военно-политическом взаимодействии сторон (Договор безопасности АНЗЮС и Соглашение Редфорд-Коллинз от 1951 г., а также Соглашение о радиотехнической разведывательной деятельности Великобритания–США от 1946 г.), отработаны форматы проведения региональных совместных военных операций (Корейская война, Вьетнамская война) и международных учений *RIMPAC*, выработаны и углублены форматы взаимодействия в военно-политической сфере (широкое сотрудничество в разведывательной сфере в рамках программы *Five Eyes*, косвенная интеграция Австралии в систему ядерного сдерживания США, унификация и стандартизация военной техники,

обучения личного состава и тактики, приобретение продукции американского ВПК] [Савченко 2019].

В начале XXI в. военно-политические отношения Австралии и США перешли в новое качество, расширив глубину и сферы взаимодействия. В период третьего-четвертого срока премьер-министра Дж. Говарда (2001–2007 гг.) и президентства Дж. Буша-мл взаимодействие двух стран получило глобальное измерение. Австралия и США в составе международной коалиции осуществили совместные интервенции на Среднем и Ближнем Востоке под предлогом борьбы с терроризмом и нераспространением ОМУ, при этом австралийские Силы самообороны выступали в качестве интегративной части ВС США². На региональном уровне было институционально оформлено сотрудничество в сфере разработки системы глобальной противоракетной обороны, нераспространения ОМУ, заложен фундамент для укрепления взаимодействия сухопутных и воздушных вооруженных сил, начаты проводимые каждые два года учения у восточного побережья Австралии *Talisman Sabre* (численностью 15 тыс. в 2005 г. и 34 тыс. в 2019 г.)³, начато трехстороннее взаимодействие с участием Японии в формате Трехстороннего Стратегического Диалога (Trilateral Strategic Dialogue) на уровне министров, а также предпринята неудачная попытка четырехстороннего взаимодействия с участием Индии (Quadrilateral Security Dialogue, QUAD).

При администрации Б. Обамы и ряде премьер-министров Австралии политические отношения между странами характеризовались преемственностью. Не считая выросшего внимания к региону в доктринальных документах США и принятого в 2011 г. решения о размещении на севере Австралии небольшого контингента вооруженных сил США на ротационной основе (численность которого достигла 2,5 тыс. военнослужащих к 2019 г.), стороны продолжали взаимодействовать в форматах 2000-х гг.: осуществляли совместные военные операции на Ближнем и Среднем Востоке в том числе в рамках международной коалиции против ИГ, проводили совместные учения в Тихом океане, модернизировали

² При вторжении в Ирак Австралия отправила четвертый по размеру контингент в размере 2 тыс. военнослужащих. В Афганистане к 2009 г. контингент достигал 1 тыс. военнослужащих, к 2014 г. их число сократилось до около 400.

³ Для сравнения: ежегодные учения *Foal Eagle* между США и Республикой Корея включали на разных этапах от 200 до 500 тыс. человек (в среднем 10–20 тыс. военнослужащих США). Однако необходимо учитывать общий размер вооруженных сил стран региона (2009): Австралия – около 70 тыс., Южная Корея – около 600 тыс.

вали техническую и институциональную составляющую контроля над космическим пространством, развивали военно-техническое сотрудничество и закупки вооружений, а также осуществили институционализацию сотрудничества в киберпространстве путем подписания меморандумов.

Военно-политическая активность Австралии на данном этапе оставалась в фарватере стратегии США. Политика Вашингтона по преобразованию миропорядка на данном этапе во многом оказалась увязана с проблемами исламистского терроризма, трагедии 11 сентября, и угрозы распространения ОМУ, которые неоконсерваторы администрации Дж. Буша-мл. использовали для попытки реализации проекта Большого Ближнего Востока и которые во многом «заморозили» потенциально конфронтационный характер отношений США и Китая. Хотя президент Дж. Буш-мл. изначально делал упор на «стратегическое соперничество» с Китаем [Green 2017, p. 484], а не на «стратегическое партнерство», продвигавшееся ранее администрацией Б. Клинтона, отношения между США и Китаем развивались в рамках «политики вовлечения». На уровне риторики это означало, как заявил в 2005 г. заместитель госсекретаря Р. Зелик, что Китай должен быть «ответственным участником» (англ. responsible stakeholder) и что «настоящее доверие невозможно (real trust) до того момента, пока Китай не станет демократией»⁴. Как сообщалось в раскрытых организацией Wikileaks документах, в марте 2009 г. премьер-министр К. Радд заявил госсекретарю Х. Клинтон, что общей стратегической целью США и Австралии должна быть интеграция Китая в мировую систему, но что США должны быть готовы применить силу против Китая, если данные планы рухнут⁵. До середины 2010-х гг. Австралия следовала этой цели, укрепляя экономические связи с Китаем, кульминацией которых стало создание Стратегического экономического диалога Австралии и Китая в 2014 г., подписание соглашения о ЗСТ в июне 2015 г.⁶ и вступление АС в Азиатский банк инфраструктурных инвести-

⁴ Zoellick R.B. "Whither China: From Membership to Responsibility?" Remarks to National Committee on U.S. – China Relations // US Government Archive. 2005. 21 сент. URL: <https://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm> (дата обращения 15 августа 2021).

⁵ Australian PM Kevin Rudd 'sought tough China policy' // BBC. 2010. December. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-11925438> (дата обращения 15 августа 2021).

⁶ China–Australia Free Trade Agreement // Australian Government. URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/chafta/Pages/australia-china-fta> (дата обращения 15 августа 2021).

ций (англ. АИВ) в том же году вопреки давлению американской стороны⁷.

*Военно-политические отношения
Австралии и США в 2016–2021 гг.:
борьба за «порядок, основанный на правилах»*

Военно-политические отношения АС и США второй половины 2010-х гг. развивались на фоне тесных экономических отношений Австралии и Китая и неопределенности, связанной с приходом на пост президента США Д. Трампа. Этот контекст позволил предположить возможность размывания основ военно-политического союза Австралии и США. Неприязнь Д. Трампа к союзным обязательствам изначально вызывали опасения австралийской стороны, однако не повлияли на отношения двух стран даже на уровне риторики по причине продолжения активной закупки Австралией продукции американского ВПК, платы за размещения ВС США на базе в Дарвине на севере Австралии и относительно высоким процентом ВВП (чуть более 2%), затрачиваемым на оборону.

Если отбросить субъективные факторы феномена Д. Трампа, то позитивная динамика военно-политических отношений между Австралией и США оказывается подчинена логике защиты «порядка, основанного на правилах» от Китая. С 2016 г. отношения между США и Китаем стали принимать все более антагонистичный характер, что нашло отражение в официальных документах США 2017–2019 гг., в которых Китай рассматривается в качестве ревизионистской державы⁸, а вместо концепции Азиатско-Тихоокеанского региона начинала использоваться антикитайская по своей направленности концепция «Свободного и Открытого Индо-

⁷ The Asian Infrastructure Investment Bank // CSIS. 2015. March. URL: <https://www.csis.org/analysis/asian-infrastructure-investment-bank> (дата обращения 15 августа 2021). Australian PM Kevin Rudd 'sought tough China policy' // BBC. 2010. December. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-pacific-11925438> (дата обращения 15 августа 2021). China–Australia Free Trade Agreement // Australian Government. URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/chafta/Pages/australia-china-fta> (дата обращения 15 августа 2021). The Asian Infrastructure Investment Bank // CSIS. 2015. March. URL: <https://www.csis.org/analysis/asian-infrastructure-investment-bank>

⁸ Например: National Security Strategy of the United States of America 2017 // White House Archive. 2017. December. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (дата обращения 15 августа 2021).

Тихоокеанского региона» [Торкунов 2019, с. 26]. Рассекреченная в конце президентства Д. Трампа «Стратегическая основа США в ИТР» (US Strategic Framework for the Indo-Pacific) постулировала необходимость поддерживать стратегическое превосходство США в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе путем укрепления связей с традиционными союзниками, и продвигать либеральный экономический порядок, не позволяя Китаю создавать новые, нелиберальные сферы влияния⁹.

Документы Австралии данного периода, такие как Белая книга по вопросам обороны 2016 г.¹⁰, Белая книга по внешней политике 2017 г.¹¹, или Обновленная стратегия обороны 2020 г.¹² также делали больший упор на проблематику сохранения «порядка, основанного на правилах» (rule-based order) в ИТР, упоминаемого в документе 2017 г. более 30 раз (по сравнению с 9 в прошлой Белой книге 2009 г.), а также подчеркивая роль США в его сохранении. Изменение ситуации в АТР привело к тому, что в Обновленной стратегии 2020 г. отмечалась все более наступательная (more assertive) внешняя политика Китая по расширению своего влияния в ИТР, а также выражалась обеспокоенность действиями Китая, которые могут подорвать стабильность в ИТР.

Опасения по поводу эрозии порядка, основанного на правилах, обусловлены тремя направлениями внешнеполитической и экономической активности Китая в АТР, которую США и Австралия воспринимают как угрозу для 1) институциональной, 2) материальной основ «порядка, основанного на правилах», а также для 3) национальной безопасности и суверенитета своих стран.

Институциональное направление связано с ситуацией в Южно-Китайском море, а именно с решением Международного трибунала по морскому праву от 2016 г. о непризнании претензии КНР и милитаризацией захваченных Китаем островов в 2016–2017 гг., что во-первых, де-факто закрепило контроль Китая над ними и близлежащей акваторией и, во-вторых, поставило под вопрос принци-

⁹ US Strategic Framework for the Indo-Pacific // White House Archive. 2021. Jan. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (дата обращения 15 августа 2021).

¹⁰ 2016 Defence White Paper // Australian Government. URL: <https://www.defence.gov.au/whitepaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (дата обращения 15 августа 2021).

¹¹ 2017 Foreign Policy White Paper // Australian Government. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (дата обращения 15 августа 2021).

¹² 2020 Defence Strategic Update // Australian Government. URL: https://www1.defence.gov.au/sites/default/files/2020-11/2020_Defence_Strategic_Update.pdf (дата обращения 15 августа 2021).

пы свободы мореходства и устойчивость норм Конвенция ООН по морскому праву, т. е. институциональные основы порядка. В ответ на данные действия в 2017 г. США начали проводить в спорных водах Операции по свободе навигации (англ. FONOP), число которых к 2020 г. возросло с 5 до 9 в год. Австралия тем не менее до сих пор не заходит военными судами в 12-мильную зону вокруг спорных островов, ограничиваясь только заходами в ЮКМ. В Белой книге по вопросам обороны Австралии 2016 г. говорится, что Австралия не занимает какую-либо сторону в конфликте, но тем не менее призывает не предпринимать односторонних действий по строительству искусственных сооружений в ЮКМ¹³. К 2020 г. Австралия и США окончательно признали решения Трибунала, отправив соответствующие ноты в ООН¹⁴.

Второе направление связано с усилиями Китая по созданию своей экономической сферы влияния, как обозначено в «Стратегической основе» США, т. е. получением влияния в странах, которое возможно конвертировать в экономические или военно-политические решения, благоприятствующие КНР, такие как права на владение портами или военно-морскими базами. Основным инструментом в данной ситуации выступает инициатива «Пояса и пути», а также двусторонние инвестиционно-экономические каналы Китая. В контексте данного исследования, наиболее ярко данная проблема проявила себя с малыми странами исторического «заднего двора» Австралии – Океании, такими как Вануату, с которыми Китай пытался установить более тесные экономические отношения. В ответ на это в 2018 г. Австралией была запущена инвестиционная программа *Pacific Step-Up*, начато совместное с США финансирование реконструкции военно-морской базы Манус в Папуа–Новой Гвинее, за которую боролись китайские инвесторы, а также инициирован Диалог по безопасности в Тихом океане (*Pacific Security Cooperation Dialogue*) между всеми членами АНЗЮС. На региональном уровне Австралия присоединилась к усилиям США по противостоянию китайскому влиянию и инвестициям, в ноябре 2018 г. став членом Трехстороннего партнерства по координации инвестиций в инфраструктуру и проекты в ИТР совместно с Японским банком международного сотрудничества.

Третье направление касается непосредственных угроз национальной безопасности или суверенитету стран Запада, а именно

¹³ 2016 Defence White Paper.

¹⁴ Note N° 20/026 // United Nations Archive. URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/mys_12_12_2019/2020_07_23_AUS_NV_UN_001_OLA-2020-00373.pdf (дата обращения 15 августа 2021).

возможности Китая влиять на общество и политических круги, а также получать доступ к чувствительным секторам экономики (коммуникации, порты, СМИ и др.)¹⁵. В 2018 г. в Австралии разразился скандал по поводу иностранного влияния на парламент и экономику, сопровождавшийся принятием Закона о прозрачности иностранного влияния 2018 г. (*Foreign Influence Transparency Scheme Act 2018*), запретивший политикам заниматься лоббизмом без указания того, в чьих интересах осуществляется деятельность, а также Закон о международных отношениях Австралии (Договоренности государства и территорий) 2020 г. (*Australia's Foreign Relations (State and Territory Arrangements) Act 2020*), усиливший контроль над международными соглашениями с участием региональных властей и давший возможность федеральному правительству разрывать их в случае несовпадения с внешней политикой Австралии. Кроме того, Австралия стала одной из первых стран, запретивших китайской компании *Huawei* участвовать в строительстве инфраструктуры сетей 5G.

Характерной чертой данного периода отношений стала активизации многостороннего военно-политического сотрудничества Австралии и США с державами региона, что рядом исследователей увязывается с трансформацией системы американских союзов и переходу от системы «оси-и-спиц» к системе «федеративной» [Green, Hicks, Cooper 2014] или «узловой» обороны [Simón, Lanoszka, Meijer 2021]. В данной системе Австралии отводится роль одного из узлов наряду с Японией и Индией в рамках возродившегося форума *Quadrilateral Defense Coordination Group* [Худайкулова, Рамич 2020], вокруг которого будет происходить военно-политическая и экономическая консолидация антикитайских усилий в южной части Тихого океана.

Несмотря на проведение первого саммита глав стран QUAD в марте 2021 г., в австралийских официальных документах QUAD не упоминается. Однако фактическим дополнением данного формата стало соглашение *Reciprocal Access Agreement (RAA)* с Японией от ноября 2020 г., закладывающее основу для совместных двух стран учений в ИТР и углубления сотрудничества в сфере безопасности. Параллельно с этим в 2017 г. Австралией были запущены многосторонние ежегодные учения *Indo-Pacific Endeavor*, направленные на укрепление отношений со странами региона, особенно с АСЕАН

¹⁵ Подробнее: *Mazarr M.J. et. al. Understanding Influence in the Strategic Competition with China // Rand Corporation. 2021. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA290-1.html (дата обращения 15 августа 2021).*

и Океанией. В июле 2018 г. к ним присоединились ВМС США, а в 2019 г. – Канада, Новая Зеландия и Япония. В 2019 г. аналогичный состав начал принимать участие в учениях *Talisman Saber*.

В результате с середины 2020 г. отношения между Австралией и КНР начали ухудшаться как в сфере экономики, так и на уровне риторики. 12 мая 2020 г. премьер-министр Дж. Моррисон заявил о необходимости расследования происхождения коронавирусной инфекции на территории Китая, на что Китай в ответ ввел пошлины против ячменя, крупной экспортной статьи Австралии и ряда других статей экспорта. Несколько дней спустя правительство также Китая заявило, что любая поддержка, которую Австралия окажет США, нанесет «смертельный удар» по экономике Австралии¹⁶. В июне 2020 г. премьер-министр Дж. Моррисон заявил о намерении полностью сконцентрировать военные усилия на ИТР, который должен быть «свободен от принуждения и гегемонии»¹⁷. В том же месяце правительство Австралии заявило о серии государственных кибератак на правительственные и бизнес-структуры, в июле 2021 г. официально обвинив Китай¹⁸. Пиком торговой войны стало введение в ноябре 2020 г. Китаем 200-процентных пошлин на экспорт вина из Австралии (37% от общего экспорта), а также полный запрет на экспорт каменного угля в Китай, однако товарооборот между двумя странами продолжал расти, в частности экспорт из Австралии в КНР в мае 2021 г. вырос на 16% по сравнению с маем 2020 г.¹⁹

¹⁶ China threatens ‘fatal blow’ to Australian economy // ABC News Radio. 2020. 25 мая. URL: <https://www.abc.net.au/radio/newsradio/china-threatens-fatal-blow-to-australian-economy/12284876> (дата обращения 15 августа 2021).

¹⁷ Australia to sharply increase defence spending with focus on Indo-Pacific // Reuters. 2020.1 июля. URL: <https://www.reuters.com/article/australia-defence-idINKBN24246K> (дата обращения 15 августа 2021). К июлю 2021 г. австралийские силы самообороны продолжают участие в Операции Окра по борьбе с ИГ (110 чел.), Операции Steadfast по обучению вооруженных сил Ирака (2 чел.), Операции Manitou по обеспечению свободы судоходства в ближневосточном регионе (15 чел.), а также Операции Accordion по оказанию мер поддержки в критических ситуациях военнослужащим вышеуказанных операций (400 чел.).

¹⁸ Australia joins allies in accusing China of ‘malicious cyber activities’ // The Guardian. 2021. 20 июля. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/19/australia-joins-allies-in-accusing-china-of-malicious-cyber-activities> (дата обращения 15 августа 2021).

¹⁹ Australia-China Trade Tensions: The Great Escape? // HIS Markit. 2021. 9 июля. URL: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/australiachina-trade-tensions-the-great-escape-July21.html> (дата обращения 15 августа 2021).

В апреле 2021 г. в ходе выступления на День АНЗАК Секретарь Министерства внутренних дел Австралии М. Пецзулло заявил о том, что «свободные нации слышат барабаны войны» (drums of war)²⁰, что вызвало критику со стороны МИД КНР. Однако в мае 2021 г. главный редактор финансируемой китайским правительством газеты *Global Times* Х. Сицзинь заявил о военной угрозе для Австралии в случае оказания военной поддержки США в условиях вооруженного конфликта вокруг Тайваня, что стало первым подобным заявлением в истории двух стран²¹.

Заключение

Период политики вовлечения Китая в либеральный мировой порядок со стороны США привел к усилению экономического присутствия Пекина в Австралии. Расширение экономического влияния Китая в АТР, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне, не могло не затронуть отношения с Австралией. Однако анализ динамики военно-политических отношений между Австралией и США показывает, что Канберра остается лояльным приверженцем политики США по сохранению и продвижению «порядка, основанного на правилах», участвуя в инициативах по противодействию китайскому усилению. При этом военно-политическая активность Австралии, вслед за Вашингтоном, постепенно перемещается с глобального на региональный уровень с целью поддержания существующих институтов, норм политического поведения и баланса сил.

Отношения между Канберрой и Пекином, несмотря на произошедший обмен санкциями и появление спорадической негативной риторики, продолжают характеризоваться глубокими инвестици-

²⁰ Australian official warns drums of war are beating // Reuters. 2021. 27 апр. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/australian-official-warns-drums-war-are-beating-2021-04-27/> (дата обращения 15 августа 2021). Полная цитата: «Today, as free nations again hear the beating drums and watch worryingly the militarisation of issues that we had, until recent years, thought unlikely to be catalysts for war, let us continue to search unceasingly for the chance for peace while bracing again ... for the curse of war...».

²¹ China threatens Australia with missile attack // Australian Strategic Policy Institute. 2021. 26 июля. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/china-threatens-australia-with-missile-attack/> (дата обращения 15 августа 2021). Полная цитата: 'China has a strong production capability, including producing additional long-range missiles with conventional warheads that target military objectives in Australia when the situation becomes highly tense'.

онными и экономическими связями двух стран, что, по мнению автора, будет определять сдержанность двух сторон и развитие отношений в формате «управляемого стратегического соперничества», своеобразной «игре по правилам», о котором в 2021 г. заявил бывший премьер-министр Австралии К. Радд²². Действия Австралии в 2020–2021 гг., отчасти напомиавшие проведение «красных линий», оказались, с одной стороны, ответом на попытки Китая вмешательства в сферу влияния и внутренние дела Австралии, но при этом происходили на фоне начавшегося ранее углубления военно-политических отношений с участием США, объективно принимающих антикитайскую направленность.

Благодарности

Автор выражает благодарность Т.А. Шаклеиной, И.В. Болговой и А.Ю. Толстухиной за ценные идеи и комментарии.

Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Новая парадигма глобальной и региональной конкуренции в XXI веке: на примере Арктического и Индо-Тихоокеанского регионов», Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, грант № КМУ-11/07.

Acknowledgements

The author expresses gratitude to T.A. Shakleina, I.V. Bolgova and A.Yu. Tolstukhina for valuable ideas and comments.

This work was supported by Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, project “A new paradigm of global and regional competition in the 21st century: the example of the Arctic and Indo-Pacific regions”, no. KMU-11/07.

Литература

- Алешин 2020 – Алешин А.А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 2. С. 63–75.
- Богатуров 2017 – Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: научное издание. М.: Аспект-Пресс, 2017. 480 с.

²² Kevin Rudd's Remarks at the 2021 Lanting Forum // Asia Policy Institute. 2021. 22 февр. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/managed-strategic-competition> (дата обращения 15 августа 2021).

- Гарин 2020 – *Гарин А.А.* Фактор КНР в отношениях Австралийского Союза и США // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 2. № 2 (47). С. 186–198.
- Истомин, Байков 2020 – *Истомин И.А., Байков А.А.* Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // *Polis: Journal of Political Studies*. 2020. № 6. С. 8–25.
- Савченко 2019 – *Савченко Е.О.* Роль Австралии в системе военных союзов США // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 2. С. 77–93.
- Степанов 2020 – *Степанов А.С.* Океания, Австралия и Новая Зеландия в контексте американо-китайского соперничества // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 12. С. 62–71.
- Торкунов 2019 – *Торкунов А.В.* Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 6. С. 25–37.
- Худайкулова, Рамич 2020 – *Худайкулова А.В., Рамич М.С.* «КВАД 2.0»: Четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Polis: Journal of Political Studies*. 2020. № 3. С. 23–43.
- Шаклеина 2017 – *Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике, 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с.
- Юношкина и др. 2020 – *Юношкина А.С. и др.* Позиции Китая и США в Индо-Тихоокеанском регионе // *Международные отношения*. 2020. № 2. С. 34–53.
- Bisley, Schreer 2018 – *Bisley N., Schreer B.* Australia and the rules-based order in Asia: Of principles and pragmatism // *Asian Survey*. 2018. Vol. 58. No. 2. P. 302–319.
- Cha 2018 – *Cha V.D.* Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia. Princeton: Princeton University Press, 2018. 352 p.
- Green 2017 – *Green M.J.* By More than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783. New York: Columbia University Press, 2017. 760 p.
- Green, Hicks, Cooper 2014 – *Green M.J., Hicks K.H., Cooper Z.* Federated Defense in Asia. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield, 2014. 42 p.
- Mearsheimer 2010 – *Mearsheimer J.J.* The gathering storm: China's challenge to US power in Asia // *The Chinese journal of international politics*. 2010. Vol. 3. No. 4. P. 381–396.
- Medcalf 2019 – *Medcalf R.* Australia and China: Understanding the reality check // *Australian Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 73. No. 2. P. 109–118.
- Simón, Lanoszka, Meijer 2021 – *Simón L., Lanoszka A., Meijer H.* Nodal defense: the changing structure of US alliance systems in Europe and East Asia // *Journal of Strategic Studies*. 2021. Vol. 44. No. 3. P. 360–388.
- Walt 2013 – *Walt S.M.* The origins of alliances. N.Y.: Cornell University Press, 2013. 334 p.

References

- Aleshin, A.A. (2020), "Australian foreign policy strategy: middle power in a highly competitive environment", *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 2, pp. 63–75.
- Bogaturov, A.D. (2017), *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Rossii: nauchnoe izdanie* [International relations and foreign policy of Russia: scholar edition], Aspekt-Press, Moscow, Russia.

- Bisley, N., and Schreer, B. (2018), "Australia and the rules-based order in Asia: Of principles and pragmatism", *Asian Survey*, vol. 58, no. 2, pp. 302–319.
- Cha, V.D. (2018), *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*, Princeton University Press, Princeton.
- Garin, A.A. (2020), "The China Factor in Australia – United States Cooperation", *South-East Asia: Actual problems of Development*, vol. 2, no. 47, pp. 186–198.
- Green, M.J. (2017), *By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783*, Columbia University Press, New York, USA.
- Green, M.J., Hicks, K.H., and Cooper, Z. (2014), *Federated Defense in Asia*, Rowman & Littlefield, Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK.
- Istomin, I.A., and Baikov, A.A. (2020), "Alliances at the service of hegemony: Deconstruction of the military domination toolbox", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 8–25.
- Khudaikulova, A.V. and Ramich, M.S. (2020), "Quad 2.0': Quadrilateral dialogue for counterbalancing China in the Indo-Pacific", *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 23–43.
- Mearsheimer, J.J. (2010), "The gathering storm: China's challenge to US power in Asia", *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 3, no. 4, pp. 381–396.
- Medcalf, R. (2019), "Australia and China: Understanding the reality check", *Australian Journal of International Affairs*, vol. 73, no. 2, pp. 109–118.
- Savchenko, E.O. (2019), "The role of Australia within the system of the US military alliances", *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, no. 2, pp. 77–93.
- Shakleina, T. (2017), *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and the United States in World Politics], Aspekt-Press, Moscow, Russia.
- Simón, L., Lanoszka, A., and Meijer, H. (2021), "Nodal defence: the changing structure of US alliance systems in Europe and East Asia", *Journal of Strategic Studies*, vol. 44, no. 3, pp. 360–388.
- Stepanov, A.S. (2020), "Oceania in the context of the U.S.–China rivalry", *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 50, no. 12, pp. 62–71.
- Torkunov, A.V. (2019), "Strategy of the Trump Administration on Asia-Pacific", *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 6, pp. 25–37.
- Yunyushkina, A.S., Shapovalova, K.A., Kudakaev, R.F., and Pon'ka, T.I. (2020), "The Positions of China and the USA in the Indo-Pacific", *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 2, pp. 34–53.
- Walt, S.M. (2013), *The Origins of Alliances*, Cornell University Press, New York.

Информация об авторе

Владимир О. Щербунов, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; vshcherbunov@yandex.ru

Information about the author

Vladimir O. Shcherbunov, postgraduate student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; vshcherbunov@yandex.ru